

ГЛАВА 5

КНИЖНЫЕ РЕЕСТРЫ ТАРСКОГО БУНТА 1722

В 1723 г. «июня 3-го дни всепресветлейший державнейший Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, будучи в Ыностранной коллегии» занимался делом, к внешней политике отношения почти не имевшем. Он рассматривал реестры рукописных и печатных книг, тетрадок и писем, конфискованных в ходе жестокого розыска о бунте, вспыхнувшем в мае 1722 г. в западносибирском городе Таре. Книг этих, отобранных преимущественно у крестьян и казаков, было уже на тогдашнем этапе следствия очень много, что-то около тонны—178 старопечатных фолиантов (за несколькими исключениями все они—из числа запрещенных церковью древних «дониконовских» изданий), 83 рукописных тома и еще 48 номеров тетрадей, столбцов и писем, написанных рукою участников этого движения. Если бы историк смог сейчас прочесть хоть одну из этих тетрадей! Но все они были уничтожены властями «просвещенного абсолютизма»: государь приказал тарским следователям впредь обращать самое серьезное внимание на роль этой зловердной литературы в событиях бунта (я даже хотел бы написать, используя современную терминологию, «на идеологическую сторону восстания», но многие историки доказывают сейчас, что никакой идеологии у крестьян и казаков того времени быть не могло).

Петр I, ознакомившись с этой своеобразной библиографией, распорядился тщательно разыскивать подобные тетради и книги в Сибири и тут же сжигать, а уже присланные в Петербург отправить для свидетельствования в синод. В синоде присланные книги с интересом читали целых 15 месяцев и затем вынесли решение, практически уже обусловленное императорской волей: книги было решено сжечь, ибо в них «по рассмотрению явились многие плутовские бредни и между тем богохулные и касающиеся к чести его императорского величества непотребные слова». Синодальные члены, «довольно рассуждая, согласно приговорили», оставив две книги для изучения противника, все прочее сжечь. Обнаружить эти два тома среди обширного фонда рукописей синода пока не удалось.

Выполняя императорское распоряжение, созданная для следствия особая Тайная канцелярия тарских розыскных дел, располагавшая крупными военными соединениями, конфисковала к началу 1725 г. в деревнях и тайных скитах Западной

Сибири огромное количество книг и бумаг, раза в два-три больше, чем их было указано в реестре 1723 г. Бумаги были уничтожены в самой канцелярии, а книги отправлены при списке местным духовным властям, в Тобольскую консисторию. Из-за некоторых противоречий между императорским и синодальным распоряжениями о тарских книгах консистория решила в 1725 г. еще раз запросить синод, что ей делать с новой добычей, приложив к запросу копию списка книг. Ответ синода не сохранился, но скорее всего он подтверждал приказание о сожжении этих книг. Во всяком случае, обнаружить следы их в книжных собраниях и старых каталогах не удалось.

Остались только реестры.

* * *

Событиям Тарского бунта в русской исторической науке не повезло. В XVIII в. о них предпочитали молчать по причинам понятным — они принадлежали к числу тех тайных страниц истории русского самодержавия, говорить о которых было тогда небезопасно. К тому же Тарский бунт, как мы увидим, был связан с вопросом о престолонаследии, особенно острым после дела царевича Алексея, а все, относящееся к этому делу, засекречивалось тогда весьма тщательно. Возвеличивание исторической миссии Петра Великого, столь характерное для «просвещенного абсолютизма» середины XVIII в., также не способствовало изучению обстоятельств антипетровского движения в Таре.

Во времена Герцена давние события в далекой Таре были уже так прочно забыты, что вольная герценовская печать, пролившая свет на многие тайные страницы русской истории XVIII в., ничего не знает о них.

Была, правда, одна историографическая линия, которая смогла бы подсказать эту тему Герцену и Огареву. В 1838 г. несколько строк о тарских событиях было опубликовано в книге известного сибирского общественного деятеля и историка П. А. Словцова, прославившегося еще в 1793 г. смелым публичным обличением деспотизма и самодержавия. Источниками для Словцова послужили какой-то неизвестный рукописный сборник старообрядцев и местные тарские предания. Сострадая тарским бунтовщикам и удивляясь их «отчаянному сумазбродству», Словцов писал в первом томе своего «Исторического обозрения Сибири»: «До тысячи человек, в деле замешанных, казнено. Не одна будто бы тысяча разослана по Сибири и в Рогервик... По всем дорогам, выходящим из Тары, стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствий, по словам же других, для надпоминания казней, тут совершавшихся».

Но эти строки Словцова прошли мимо внимания Герцена и Огарева, обычно так хорошо информированных.

Самый подробный из курсов русской истории прошлого века — «История России» С. М. Соловьева уделяет две фразы истории Тарского бунта, сообщая новые сведения о нем. Читая их, опять и опять удивляешься великолепной исторической интуиции знаменитого историка. Основываясь, по-видимому, лишь на одном из дел Преображенского приказа (который не имел прямого отношения к тарскому следствию), С. М. Соловьев правильно называет и главную причину бунта — отказ от присяги, и имена некоторых из его руководителей.

Тарское следствие породило огромное делопроизводство, которое насчитывало многие тысячи листов. Из них попал волею судеб в поле зрения исследователей и был опубликован лишь один — сопроводительное письмо местным властям, при котором были разосланы по своим деревням после наказания кнутом несколько крестьян, участвовавших в бунте. Но и эта публикация, затерявшаяся в весьма объемистом сборнике документов, не была замечена ни дореволюционными, ни советскими историками. Остальное делопроизводство исчезло.

Тарский бунт был во многом явлением настолько нестандартным, что он как-то не согласовывается ни с одной из концепций петровского времени, господствовавших в исторической науке нашего столетия. И получилось так, что — случайно или нет — и эти концепции не заметили острого политического выступления целого города против Петра. Такое иногда случается — и не только в исторической науке.

Ни в одном вузовском курсе истории СССР, включая самые последние, о Тарском бунте нет ни слова. В двенадцати томах капитальной «Истории СССР с древнейших времен», изданных недавно Академией наук СССР, о нем также забыли упомянуть. Молчит о нем и пятитомная академическая «История Сибири», хотя там есть специальные большие главы о классовой борьбе XVIII в.

Тема Тарского бунта исчезла со страниц русской историографии.

* * *

Я всегда поражался и восхищался, вновь и вновь сталкиваясь с фактами, которые свидетельствуют об удивительной силе, живучести народной памяти о давних событиях отечественной истории. Странствуя в поисках древних книг по старожильческим поселениям Сибири, я встречал стариков, которые могли рассказать о делах своих предков во времена Екатерины или даже Елизаветы, правильно назвать основателей деревень,

возникших в XVIII в., поведавать о переселениях бухтарминских крестьян, связанных с последними отзвуками Пугачевского восстания. Конечно, рассказ о конкретных событиях в подобной народной передаче фольклоризировался. Например, происшедшее на деле на Алтае чтение бухтарминским беглецам «милостивого указа» Екатерины об их возвращении в русское подданство превращалось в красочное предание о беседе царицы в царском дворе с бухтарминскими выборными¹. Но реальное ядро таких рассказов довольно легко сейчас вычленивается, а содержащиеся в них оценки весьма интересны и полезны для историков.

В тесной связи с этим народным ощущением исторической преемственности поколений стоит очень важный феномен крестьянской исторической литературы XVIII—XIX вв., о котором я уже рассказывал в предыдущих главах. Мы видели, что несколько забытых историй крестьянских движений антифеодального протеста, окрашенного в старообрядческие тона, удалось восстановить, отталкиваясь от свидетельств крестьянской исторической литературы XVIII—XIX вв. (или даже от записанных в наших экспедициях рассказов старожилов) и произведя затем соответствующие разыскания документов в архивах. Но с Тарским бунтом долго не получался и этот путь: следы сборника, которым пользовался П. А. Словцов, затерялись; других старообрядческих рукописей не обнаруживалось. Правда, в одной из книг Отдела рукописей Библиотеки Академии наук в Ленинграде я нашел в рукописи XIX в. среди миниатюр старообрядческих мучеников разных времен страшное в своей реалистичности изображение четвертования одного из руководителей Тарского бунта казачьего полковника Немчинова. Следовательно, какая-то историческая рукописная традиция, связанная с этими событиями, у старообрядцев была. Но в руки она не давалась. Ничего не дали сборники сочинений исторического содержания всех основных старообрядческих согласий, в том числе поморских писателей, очень внимательно относившихся к увековечению старообрядческой истории. Сборники поповцев, включая часовенных, принимавших наряду с поморянами самое активное участие в тарских событиях 1722 г., тоже молчали о них. Ничего не дала и рукопись по истории часовенных из того

¹ Вспоминается такой эпизод. Однажды в беседе со стариками тех мест, где в прошлом веке была распространена красочная легенда о стране крестьянской утопии — Беловодье, я к чему-то упомянул название «Петербург». «А где это?» — спросила меня одна бойкая собеседница. «Разве ты не знаешь, — тут же ответила ей другая. — Это там, где стоит дворец, в котором царица Екатерина нашим каменщикам волю дала». «Каменщиками» называли на Алтае убежавших в горы, «в Камень», в 1791 г. они, действительно, получили свободу от подушной подати и рекрутчины.

первого нашего скриптория, помогшего узнать столько неизвестных судеб руководителей старообрядческого протеста. Удача увенчает поиск одного из моих учеников только через десяток с лишним лет в совершенно неожиданном месте — в Ярославле: искомое старообрядческое сочинение о Тарском бунте обнаружится в местном музее, в рукописи конца XVIII в., принадлежавшей перу основателя бегунского согласия Евфимия, резко враждебного и поморянам, и часовенным.

Но это будет не скоро. А пока оставались пути поиска архивных следственных документов. Сначала показалось, что здесь больших усилий не потребуется. В списке фондов Центрального государственного архива древних актов значился фонд той самой Тайной канцелярии тарских розыскных дел, которая была создана осенью 1722 г. для широкого следствия о бунте. Все было очень просто.

Слишком просто. В Москве оказалось, что весь фонд состоит из одного только дела, дело состоит из одного только листа, а лист этот — тот самый, давно опубликованный. Предпринятые по моей просьбе сотрудниками ЦГАДА поиски в безбрежных фондах архива результата не дали. Огромное тарское делопроизводство, многие сотни протоколов допросов исчезли, словно иголка в стоге сена. Мне уже было известно, что Тайная канцелярия тарских розыскных дел подчинялась напрямую сенату, который несколько раз рассматривал результаты следствия. Можно было искать это делопроизводство канцелярии в фонде сената, но большая часть колоссального фонда сената до сих пор не имеет еще хороших описей, кропотливейшая работа сотрудников ЦГАДА по составлению таких описей охватила лишь пока четвертую часть фонда.

Важный след обнаружился в конце концов в совершенно другом фонде — среди дел главного органа политического сыска петровского времени — Преображенского приказа. И хотя это почтенное учреждение не занималось тарским розыском, поиски не были безрезультатными.

Помогла неистребимая кляузность и склонность к опасным мистификациям бывшего солдата Преображенского полка (из петровского потешного войска), а затем тарского земского судьи Лариона Верещагина. В промежутке между этими двумя пунктами своей биографии он был уличен в убийстве, сослан за это в Сибирь, но вследствие нехватки судебных кадров в Сибири был одновременно возведен в должность члена тобольского надворного суда, уже в этом качестве он совершил в пьяной драке второе убийство и был за это переведен в Тару земским судьей.

Начало тарского розыска он воспринял как свое личное дело, твердо решив, вопреки всем планам Тобольска и Петер-

бурга, что он будет в этом розыске главной персоной, руководящей всем следствием. Когда его самочинные действия пришли в неизбежное столкновение с планами действительных руководителей тарского розыска, он решился на рискованный шаг: обвинил в изменническом снисхождении к бунтовщикам командира войск, приданных Тарской розыскной канцелярии, полковника Батасова.

Как только раздались грозные слова «Слово и дело!», Верещагин, Батасов и несколько свидетелей немедленно отправились на казенный счет, скованные, из Тары в Москву. Здесь князь Иван Федорович Ромодановский быстро разобрался в ложности обвинений Верещагина — первоначальная «мягкость» розыска объяснялась не изменой Батасова, а полученными им инструкциями, мудро требовавшими на первых порах «не ожесточать» бунтовщиков, чтобы тем вернее переловить их всех. Верещагину удалось, однако, надолго задержать следствие в Преображенском приказе, заявив, что по дороге в Москву он выбросил «в отход» важные государственные бумаги. Это вызвало изнурительную и бесплодную ревизию отхожих мест по тракту Тобольск — Москва, после которой Верещагин спокойно сознался в мистификации и через несколько дней таинственно бежал из тюрьмы Преображенского приказа. В приказе осталось лишь обширное дело о его доносе.

Из этого дела и удалось почерпнуть немало важных деталей о тарских событиях 1722 г.

Затем нашлось в разных фондах столиц и Сибири несколько документов, отправленных из Тайной канцелярии тарских розыскных дел в различные учреждения, центральные и местные. Все это позволило к середине 1970-х гг. в основных чертах восстановить картину событий.

* * *

Тарские события назревали уже давно. Они явились первым значительным ответом на те условия, в которые были поставлены рядовые старообрядцы, как и расколоучители, законодательством последнего десятилетия правления Петра I. Это законодательство, впервые легализовав раскол, поставило его в крайне тяжелые условия существования. Уплата налогов в двойном по сравнению с «никонианами» размере была еще не самым неприемлемым условием — практически вне закона ставилась старообрядческая семья, венчание разрешалось лишь по православному обряду, дети старообрядцев обязаны были делаться православными, за исполнение любых старообрядческих треб налагались жестокие штрафы. Хотя тарское движение шло под старообрядческими лозунгами, оно имело наиболее яркую

за всю историю урало-сибирского старообрядчества XVIII в. политическую окраску и было связано с общим широким недовольством петровскими преобразованиями со стороны тех, кому пришлось платить за них наиболее тяжкую цену. На первом месте среди них — «служилые по прибору», стрельцы, казаки, составлявшие ранее «средний» класс феодального общества и теперь решительно передвинутые Петром I в низшие, податные слои. В идеологии тарского движения четко прослеживаются поэтому социально-экономические мотивы, недовольство ростом податей, рекрутчиной. А старообрядческий вариант учения о Петре I-антихристе явился формой острого политического протеста.

В последние годы правления Отца Отечества власть все более круто реагировала на все разновидности теорий, согласно которым правящий русский император являлся воплощением антихриста. На многие десятилетия вперед для официального отношения к старообрядчеству определяющей стала чеканная формула Феофана Прокоповича (§ 6 Духовного регламента): старообрядцы — «лютые неприятели, и государству и государю непрестанно зло мыслящие». Значительная роль, которую играло старообрядчество во многих крупных выступлениях классового протеста времени Петра I, способствовала укреплению такого взгляда на раскол.

К началу 20-х гг. XVIII в., когда все эти экономические и политические мероприятия впервые начали влиять на ситуацию на востоке страны, урало-сибирское старообрядчество имело за плечами более чем полувековую историю отчаянной борьбы, крупных движений протеста. Его силы значительно возросли после разгрома по приказу Петра I знаменитого приволжского центра раскола Керженца и бегства оттуда на восток многих и многих тысяч старообрядцев. Реестры тарских книг показывают, что розыск обнаружил на огромных пространствах от Уральских гор до Томской тайги и Кузнецкого уезда многочисленнейшие тайные убежища старообрядцев, в каждом из которых скрывались сотни беглецов. Реестры называют книги, принадлежавшие «„Сергиевской пустыни“, „Трефиловской пустыни“, „Тавинской пустыни“, „Якимовской пустыни“, „Ировской большой деревни, в которой была раскольническая служебня“ (Абатской слободы), „Теврийской пустыни“, „Томского дистрикта Тавалганской пустыни“, „Кузнецкого дистрикта Баровской пустыни“, „того ж дистрикта Еровской пустыни“, „Ировской пустыни, что на Борках“, „Томского дистрикта Чюгунновой пустыни“, „Аремзянской пустыни“». Этот последний скит имел особое значение. Он был расположен недалеко от сибирской столицы и пользовался немалым авторитетом. Власти долго не подозревали о его существовании. В 1720 г. здесь даже возник своеобразный

«детский филиал» под руководством смелого обитателя Аремзянского скита казачьего сына Андрея Яковлевича Страшников, позднее посаженного за участие в тарских событиях на кол. В накаленной обстановке кануна тарского движения некоторые чиновники и духовные лица Тобольска с удивлением обнаружили, что их дети все лето напролет увлеченно играли вместе с аремзянскими сельскими ребятами «в скит». Руководители этой забавы тогда остались в тени. Из Аремзянского «детского скита» вышел знаменитый впоследствии предводитель яицких старообрядцев Иоаким Харчевников.

Наибольшую роль в тарских событиях сыграла Сергиевская пустынь, расположенная близ Тары. Ею руководил старец Сергей, родившийся в 1650 г. в Устье Великом в семье стрельца. Это последнее обстоятельство во многом определило его отношение к царю Петру, жестоко подавившему восстание стрельцов. (В подробных исследованиях историка В. И. Буганова доказывается, что стрелецкие восстания конца XVII в. были одним из выражений антифеодального протеста.) Сергей стал монахом и священником, но не ужился в официальной церкви. Он сбежал от преследований тобольского митрополита Филофея Лещинского, жил в Аремзянской пустыни, возглавляя одно из поповских согласий сибирского старообрядчества. В 1719 г. он был арестован, содержался под караулом в тобольском архиерейском доме. Однако ему удалось осуществить дерзкий побег, а затем основать свою пустынь близ Тары. Он широко принимал к себе «Ишимского и других дистриктов... крестьян и беглых рекрут с женами и з детьми и в таком своем расколе отвращал их от святыя церкви и от присяги, и разглашал им непристойные слова и протчее злословие чинил».

Особенно многолюдно здесь стало с осени 1721 г., когда обстановка в этом районе сильно накалилась из-за проведения переписи податного населения, обязанного платить подушный оклад. Тогда здесь жило несколько сотен беглецов, на следствии они признались, что «жили при оных ворах в пустынях — крестьяне, отбывая тягла, а протчих чинов, отбывая от присяги и от оных воров толкование и непристойные слова слушали».

Наряду с поповским скитом Сергия, в движении большую роль играли беспоповские скиты. Документы на первом месте называют скит Ивана Смирнова, подробно разработавшего учение о близком конце света, о воцарившемся антихристе. Иван Смирнов заявлял, что царь-антихрист ввел рекрутчину, чтобы собрать все русское мужское население на завоевание Иерусалима, где в соответствии с древними предсказаниями он будет царствовать три с половиной года и погибнет во время второго пришествия Христа, безжалостно умертвив перед тем всех своих обличителей.

Лишь недавно мне удалось узнать, что в эти же годы близ Тары действовал еще один скитской центр, своеобразное представительство знаменитой поморской Выгореции. Его возглавлял крестьянин Гаврила Семенов Украинцев, талантливый писатель и рудознатец. Но о нем речь впереди.

Усиление налогового гнета, подушная перепись вызвали в этом районе несколько крестьянских самосожжений. Перепись проводил тогда полковник А. Парфеньев во главе большой вооруженной команды. Он предъявил руководителям скитов категорическое требование записать все скитское население, состоявшее из беглых крестьян; в двойной подушный оклад. И. Смирнов от имени всей пустыни дал ответ решительный и недвусмысленный: «Мы дани не даем в нынешние времена..., аще вы нас погоните, и мы живы в руки вам не дадимся: береста, и смолье, и дрова, и солома, и порошу с пуд приготовано».

Позиция Сергия оказалась более сложной. Удалось найти два его письма — разыскиваемый властями беглый государственный преступник вступил в переписку с полковником Парфеньевым и тобольским митрополитом Антонием. В письмах он подробно обосновал категорический отказ платить подушный оклад и также угрожал самосожжением. Но одновременно он предлагал устроить в Тобольске публичный диспут по всем острым вопросам с губернатором и митрополитом и даже надеялся как-то договориться с властями. Но уже через несколько месяцев общий подъем крестьянского недовольства сделал Сергия гораздо более решительным. Он стал одним из главных организаторов бунта.

Поводом к восстанию в Таре послужил известный указ от 5 февраля 1722 г. о том, что правящий император может по своей воле назначить себе любого наследника. Российские подданные должны были согласно этому указу быть немедленно приведены к присяге этому будущему, еще не названному по имени наследнику. (Петр I, как известно, до самой своей смерти так и не успел назвать имя своего наследника.) Сразу же после опубликования этого указа по Уралу и Сибири поползли слухи, что наконец-то с властью все стало окончательно ясно, ибо велят присягать антихристу, имени которого даже вымолвить невозможно. Незадолго до тарских событий на Урале в ныне существующем селении Межевая Утка была арестована группа крестьян во главе с Яковом Солнышковым. Они передавали все более широко распространяющиеся слухи об антихристовом характере всего царского рода, начиная с Алексея Михайловича, об антихристовом поведении самого императора (вроде женитьбы на собственной крестной внучке — Екатерине I). Говорили, что недавно родился самый страшный, последний анти-

христ, и приходится он внуком правящему государю императору, Отцу Отечества—сыном царевича Алексея; родился антихрист мерою аршин с четвертью, и сразу с зубами. Почти все арестованные погибли под жестокими пытками, но это не помешало укреплению мысли о невозможности подчиниться указу от 5 февраля 1722 г.

Можно понять, почему Тарскому бунту веками не везло в исторической науке. Зубатый антихрист царского рода как-то не вяжется ни с верноподданными восторгами по адресу «сильного, державного» основателя Российской империи, ни с четким осознанием угнетенными массами своих социальных задач и требований. Но Тарский бунт все-таки был. Он такая же историческая реальность, как и великие преобразования начала XVIII в. Был и страшный Тарский розыск—многие сотни наказанных, четвертования и повешения, карательные экспедиции и жалобы на острую нехватку тюремных помещений.

В действиях царских карателей была своя логика. И дело не только в том, что в идеологии тарского движения сквозь все разыскания о признаках конца света и природе антихриста ясно проступает недовольство новыми налогами, усилением зависимости государственных крестьян, рекрутчиной. Дело и в дерзком нарушении «тарскими противниками» главного монархического принципа беспрекословного подчинения любым распоряжениям самодержца, хотя бы и столь странным, как присяга неизвестно какому наследнику. (Когда русскому посланнику в Джунгарии пришлось опровергать дошедшие туда слухи о том, что Тару разгромил какой-то внешний враг, он разъяснил, что просто государь изволил казнить «ослушников царского указа».)

Конечно, сейчас можно сожалеть, что тарские жители так верили ненаучным заявлениям Сергия и Ивана Смирнова о государе-антихристе, что они не отделяли прогрессивного в деяниях Петра от их классовой ограниченности и что они не выставили своих социальных требований в более четком программном виде, хотя бы как в манифестах Пугачева. Но историю не переиграть заново, в более стройном и научном виде. Ограничиваясь изучением лишь самых высоких, социально четких форм классовой борьбы, не объединим ли мы историю мужественного векового сопротивления русского народа насилию самодержавной власти?

* * *

Немалая часть большого казачьего гарнизона Тары считала Сергия своим наставником. Весть о предстоящей странной присяге безымянному наследнику пришла к этим казакам из скитов на несколько недель раньше, чем городские власти были

официально уведомлены о присяге из Тобольска. Ушедшие из мира пустынноики хорошо знали политические новости!

Будущие руководители восстания казаки Василий Исецкий и Петр Байгачев вспомнили, как остро осуждал Сергей в 1718 г. присягу Петру Петровичу. Вспомнили и об удавшемся в 1705 г. отказе жителей и гарнизона Тары исполнять указ о бритье бороды и усов и о ношении немецкого платья. Около пятисот казаков во главе с пятидесятником единодушно выступили тогда против указа—и власти отступили! Указ оказался в Таре невыполненным.

Теперь, весной 1722 г., ученики Сергия (а среди них был и глава казачьего гарнизона Тары полковник Немчинов) развернули активную агитацию против новой присяги. Сам Сергей несколько раз приезжал тогда в Тару, уговаривал, что лучше погибнуть, бежать в леса, но не присягать. Хотя Сергей был в городе нелегально, его проповедь звучала почти открыто. Даже комендант Тары Глебовский, из русских мелкопоместных дворян, поддавшись просьбам жены, послал Сергию богатые подарки. Правда, одновременно он уговаривал казаков присягать.

Когда в Тару прибыл, наконец, из Тобольска сержант Островский с текстом указа и официальными присяжными листами, Глебовский под разными предлогами стал по просьбе казаков оттягивать день приведения к присяге.

А в городе между тем шло широкое обсуждение сложившегося положения.

И здесь сразу понадобились древние книги. Их всенародно зачитывали Василий Исецкий, Петр Байгачев, Василий Руднев «и толковали, что де к присяге итить грех», напоминали слова Сергия: «Ныне де последнее время, и у нас де его императорского величества в животе нет, для того и имени в указе не написано..., ныне де царствует Антихрист, а не прямой царь». Вскоре в Таре появился весьма странный экземпляр листа для приведения к присяге: после официального текста шло «отпорное письмо» (власти именовали его «противным»), доказывавшее, что присягать безымянному наследнику есть дело богопротивное, и что все нижеподписавшиеся категорически отказываются присягать. Письмо было написано рукою Петра Байгачева, видимо, в двух экземплярах. Позднее в скиту Сергия нашли экземпляр, дополненный текстами древних книг о конце света.

18 мая началось широкое обсуждение письма в доме у Ивана Немчинова при многолюдном скоплении тарских казаков, «городовых и уездных людей».

На 27 мая Глебовский, наконец, назначил присягу. С утра к городскому собору сошлись огромные толпы казаков и горожан. «Отпорное письмо» было вручено коменданту, и он зачем-то

приказал прочитать его вслух. Присягнули немногие — часть духовенства, сам комендант, еще некоторые.

* * *

Между подачей «противного письма» и началом возмездия прошло более двух недель. Многие «тарские противники» за эти дни успели убежать из Тары и скрыться в лесах; Петр Байгачев бежал в скит Сергия.

Из Тобольска против бунтовщиков был послан большой военный отряд — подразделения Санкт-Петербургского и Московского полков, 200 человек татарской конницы, артиллерия. 14 июня полковник Батасов, командовавший этой карательной экспедицией, внезапным ударом захватил Тару, почти не встретив сопротивления. По всей Западной Сибири от Тюменских болот до Алтайских предгорий посылались из Тары отряды для поимки беглецов, разгрома скитов. Начался невероятно жестокий и длительный тарский розыск.

Надежды тарских жителей, что их протест против безымянного наследника увенчается таким же успехом, каким в 1705 г. увенчался прежний протест против немецкого платья, были весьма наивными. Несмотря на всю суровую решимость Петра Великого «в голландцев нарядить» своих подданных, объективно существовала огромная дистанция между тарскими движениями 1705 и 1722 гг. Высшие правительственные учреждения и сам император квалифицировали отказ от присяги как государственную измену, бунт. Движение шло к тому же под сильным влиянием теории «Петра-антихриста», которая давно уже не импонировала преобразователю России. Дела тех лет показывают, что ставшие известными властям сторонники этой теории чрезвычайно редко оставались в живых. Казнить весь город с доброй частью сельской округи было, конечно, невозможно. Но свидетельства современников подтверждают, что следователи, военные и военные следователи, занимавшиеся тарским розыском, сделали немало для приближения к этому идеалу.

Полковник Немчинов был четвертован посмертно: 26 июня, окруженный в своем доме, он взорвал порохом себя с двадцатью казаками и через несколько часов скончался от ожогов. 9 ноября скит Сергия был внезапно захвачен новым карательным отрядом, направленным из Тобольска во главе с сибирским вице-губернатором А. К. Петрово-Соловово, назначенным незадолго до этого начальником тарского следствия. Сергей готовил сожжение скита, но не успел его осуществить. Иван Смирнов оказался бдительнее, и попытка захватить его скит окончилась большим самосожжением. Петру Байгачеву удалось бежать от вице-губернатора, но он был затем схвачен Л. Верещагиным.

Последний, однако, не довез его до застенка и за крупную взятку дал ему возможность зарезаться по дороге. (За что только не давали взяток в петровской Руси!) Василий Исецкий был арестован одним из первых, перенес много пыток и затем был казнен. Один из тарских казаков, Иван Падуша с десятком сторонников отстреливался в своем доме от правительственных войск вплоть до октября.

Глебовский, принимавший участие в организации первых арестов, вскоре сам попал на дыбу. Но много позднее по ходатайству родственников Екатерина I помиловала его, и он был отпущен в свою вотчину.

Деятельность военных команд охватывала все новые районы Сибири, крестьяне сотнями бежали от карателей, укрывались в лесах, уходили все дальше на юг и восток. Некоторые тогда из-под Тары убежали до селений, расположенных на месте современного Новосибирска.

Многие сотни крестьян, не участвовавших в майских событиях в Таре, спасаясь от насилий следователей, шли в огонь. Некоторые перед этим объявляли о поддержке ими тарского «противного письма», о непосильности налогов. В 1722—1724 гг. более десятка значительных самосожжений крестьян отметили источники в тюменских и ялуторовских деревнях и лесах. В одном из них, на реке Пышме, погибло около 400 человек, в другом, там же, 145 человек, в третьем, в деревне Камышловой, около 70 человек. Несколько самосожжений произошло на Алтае. Крупнейшее из них, Елунская гарь, унесла более 600 жизней.

Среди дел Тюменской воеводской канцелярии обнаружили волнующие человеческие документы — письма, которыми ялуторовские крестьяне созывали друг друга осенью 1722 г. для самосожжений протеста против насилий тарских следователей: «настоит время жарко, никонияны востали, попустил бог за грехи наши, и ныне время стоять за благочестие».

Другое такое письмо приведем целиком. Его написал старый ялуторовский крестьянин своему земляку и крестнику, служившему в драгунах:

«Сыну моему благословение Гаврилу Архиповичю, отец твой крестовой Никифор Авдеев кланяюсь до лица земного. Помилуй свою душу, не преступи закона божия. Слышим, указ пришел, драгунам жалованье, да им же и бороды брить. И ты, Гаврило Архипович, не давай бороды своей ругать. Только изволишь, попадай к нам. Лучше закона ради... убиену быти, ежели еретиком в посмеях и в ругании. А о тленном богатстве не тужи. А буди не изволишь, и ты проститься приедь. Здравствуйте. Да о том вам ведомость: скончались на Пышме ста с четыре. От нас уехали Дементей ...сонов да Афонасей Федотов, Ефросинья

Максимовна, да из слободы человек десяток. Василию Тихоновичю, Андрею Филиповичю от брата и сестры поклон. Только изволишь побывать к нам, скажите Феодоре да Татьяне».

Руководителей Тарского бунта четвертовали, обезглавливали, сажали на кол, вешали. Рядовых «противников» после пыток наказывали сотней ударов кнута (женщинам делали скидку вдвое), приводили к присяге и отправляли на вечную каторгу в Рогервик или по домам под надзор местных властей.

В 1725 г., после смерти Петра I и воцарения Екатерины I, Сенат постановил «для поминовения блаженные и вечно достойныя памяти его императорского величества и для многолетнего здравия ея императорского величества» амнистировать оставшихся в живых «тарских противников». Но в Тобольске рассудили, что монаршую милость должно почувствовать как можно большее число людей, и приказали начать мероприятия по амнистии со срочного доарестовывания всех непойманных еще бунтовщиков; специальные курьеры помчались по сибирским городам с новыми проскрипционными списками (нам удалось позднее обнаружить два из них). Затем в наступившей сумятице борьбы за власть об амнистии как-то забыли и тарский розыск продолжался. Даже в 1735 г., когда на русском престоле был уже третий преемник Петра, в Сибири продолжали вылавливать, вешать и «пятерить» людей, отказавшихся 13 лет назад присягать безымянному наследнику.

* * *

С самого начала наших поисков документов о Тарском бунте, конечно, очень хотелось найти главный — «противное письмо» с торжественным отказом от присяги. Но письмо никак не давалось в руки. Оба экземпляра его, захваченные тарскими следователями, были скорее всего уничтожены по рекомендации синода. Синод не снял даже копии себе для сведения, во всяком случае, ее нет сейчас в фонде синода, как и в фонде Тобольской консистории. Фонд тарской следственной комиссии, как мы уже говорили, исчез, в самых различных частях фонда сената обнаружить «противное письмо» также не удалось.

Естественно было бы подумать еще об одной возможности. В 1733—1743 гг. в Сибири развернулась работа большой академической экспедиции, известной под именем Второй Камчатской. В частности, под руководством знаменитого историка Сибири академика Г. Ф. Миллера тогда было проведено копирование многих документов из архивов городов Западной и Восточной Сибири. Большинство копий поступило затем в фонд Миллера Архива Академии наук, другая часть — в обширный фонд «Портфели Миллера» в ЦГАДА.

В академическом архиве в Ленинграде миллеровские копии составляли 35 огромных томов. К счастью, имелась хорошая опись этих документов, сделанная еще в XVIII в. В этой описи, среди документов «тарской архивы», я с радостью прочитал:

1722 году мая 30 дня копия с писма жителей города Тары, что они ослушны явились в учинении присяги тому, кто назначен будет наследником всероссийского престола».

С понятным нетерпением заказал я соответствующий том копий. Увы, когда я раскрыл его, оказалось, что именно этот лист был кем-то выдеран. Грубо, «с мясом» — в переплете книги остались слева клочья бумаги, на одном из них даже угадывались две буквы. По архивной свертке 1933 г. этот лист уже значился утраченным.

Поиски в московских «Портфелях Миллера» также ничего не дали. Копии документов «тарской архивы» и там были сгруппированы отдельно, но их было немного, и нужного письма среди них не было.

Прошло три года. Я опять сидел в читальном зале ЦГАДА, работая над новой темой. Тема шла плохо, и я иногда возвращался к старым сюжетам для мелких уточнений. Книга моя, включавшая изложение событий Тарского бунта, была уже в печати, и я только что исчерпал последнюю возможность вносить в нее поправки и добавления. За соседним столом работали знакомые студенты-дипломники Новосибирского университета. У одного из них я вновь увидел опись фонда «Портфели Миллера» и вдруг решил предпринять еще одну отчаянную попытку поисков «противного письма»: перебрать подряд все документы «Портфелей», хронологически относящихся к 1722—1735 гг.

...На столе передо мною лежали папки с документами очередного 140-го портфеля, где были собраны дипломатические и военные материалы, касающиеся Северной войны. Число 140 я, вероятно, запомню надолго: когда я перебирал документы одной из папок, из нее тихо выскользнул лист, явно выдеранный раньше из какого-то переплета. Грубо, «с мясом» — слева на одной из строк не хватало даже двух букв. Это была копия тарского «противного письма» с собственноручными замечками Миллера...

Письмо было коротким — чуть больше полустраницы текста. Все теоретические разработки о наступлении «последних времен» и воцарении антихриста были оставлены за рамками этого текста. Вероятно, они содержались лишь в том написанном Сергием введении, которое было захвачено при его аресте. В письме сурово констатировалось, что не известны ни имя наследника, ни его происхождение, вера и обычаи. Затем следовал категорический отказ присягать, если не будет дан

«имянной» наследник древнего царского рода и старой веры. Последнее требование фактически могло означать отказ повиноваться государю нестарообрядцу и было особенно нереальным. Подписи под письмом не были скопированы, их заменяла общая формула о сословной принадлежности подписавшихся, «числом...» — здесь русский текст копии обрывался и следовало продолжение на немецком рукою Миллера, крайне неразборчивым готическим почерком со многими недописанными или сокращенными словами. Над этими строчками по моей просьбе долго, но безрезультатно бились несколько специалистов по немецкой палеографии из научных учреждений Москвы и Ленинграда. Наконец, их удалось расшифровать новосибирской преподавательнице И. П. Березиной. Миллер сообщал на основании каких-то неизвестных источников, что в Таре к протесту против присяги присоединилось более 700 человек, из коих около половины было казнено смертью, а остальные сосланы.

Находка «противного письма» показала, как сильны были тогда в Сибири настроения старообрядческого антимонархического протеста. Но этот документ продемонстрировал одновременно и традиционный крестьянский монархизм: даже на самом гребне бунта его участники наивно ожидали, что государь может еще «исправиться», вернуть старую веру и дать стране «законного» наследника истинного царского рода. Полстранички письма оказались удивительно информативными для характеристики общественного сознания сибиряков XVIII в.

Одна удача потянула за собою две другие. Молодой новосибирский исследователь А. И. Мальцев, разыскивая в ярославском музее сочинения бегунского согласия, нашел автографический иллюстрированный сборник основателя этого согласия, отчаянного бунтаря и хорошего художника, беглого солдата Евфимия. Кроме его собственных сочинений в сборнике была большая повесть, написанная, как об этом сообщал красивый киноарный заголовок, видным выговским писателем Семеном Денисовым. Повесть была посвящена событиям в Таре и связанным с ними самосожжениям 1722—1725 гг.

Вскоре в недавно описанной части фонда Сибирской губернской канцелярии в ЦГАДА мне посчастливилось обнаружить большой том, на первом листе которого я прочитал заглавие тома: «Копия с подлинного тарского в противности в присяге розыского дела». Правда, к сожалению, это был лишь начальный этап розыска: на 630 страницах тома убористой, мелкой скорописью были скопированы протоколы первых допросов следствия, проводившихся до 4 ноября 1722 г.

Этот том дает историку очень много. События восстания, его подавление, действия карателей и следователей можно теперь проследить буквально по дням, точно известны подробности

поведения большинства руководителей бунта и многих рядовых его участников. Под копией «противного письма» полностью приведены все 228 подписей с указанием сословной принадлежности. Подтвердились и сведения Г. Ф. Миллера о том, что в решающем акте публичного отказа от присяги у собора участвовало около 700 человек. Многие бунтовщики дали подробные показания о причинах своего поведения. Имеются даже интендантские сметы и ведомости о снабжении карателей оружием, боеприпасами, продовольствием и фуражом.

Но главное, чем обогатил нас этот том, — новые знания по идеологии Тарского бунта. Теперь по-новому заговорили и те документы, с которых я начинал весь поиск материалов по истории движения, — книжные реестры.

* * *

Значение книжных источников в идеологии тарских бунтовщиков не сразу было осознано следователями, но затем эта проблема стала для тарского розыска одной из центральных.

Когда 5 июня 1722 г. тобольские власти узнали об отказе от присяги и прочих тарских событиях, им сразу стало известно и о существовании «отпорного (противного) письма», обосновывающего этот отказ. Поэтому уже в первой инструкции полковнику И. Батасову, отправляемому 6 июня с войсками на подавление бунта, в подробных наставлениях о начале следствия предписывалось письма бунтовщиков «все запечатать» и прислать в Тобольск, о книгах же не упоминалось. Но вскоре, 19 июня, получив более подробные сведения о происшедшем, Тобольская губернская канцелярия расширяет программу следствия. Среди вопросов подследственным появляется важнейший: «и книги какие читали, кто имяны и у кого в доме и какое толкование у них было».

Уже первые показания бунтовщиков заставили следствие относиться с большим вниманием не только к толкованию ими книг, но и к самим книгам, искать и конфисковывать их. При последующем разгроме скитов за книгами охотились уже в первую очередь.

Так высшие чины Тобольской губернской канцелярии среди бесконечных допросов, обычных и с пристрастием, среди забот о пропитании карателей и их лошадей, об артиллерийских припасах и подорожных, доносов, точных и ложных, среди склок между чиновниками-экзекуторами, каждый из коих доказывал, что лишь он усердствует по-настоящему — разрываясь между «присутствием» и «пытошной избой», подчас совмещая одно с другим, — столкнулись с проблемой неканонических толкований раннехристианской и византийской святоотеческой литературы.

Тексты, привыкшие находиться под досками роскошных переплетов, на покрытых торжественным полууставом листах, украшенных затейливым орнаментом, странно и необычно выглядели на страницах следственного дела, исписанного беглой небрежной скорописью канцеляристов, фиксировавших полученные на дыбе показания. В этой необычности — важный исходный пункт исторического анализа.

Среди конфискованных книг сами участники событий неизменно выделяли в своих показаниях несколько сочинений, наиболее важных для выработки идеологии движения. Здесь представлены три разных этапа развития эсхатологических идей¹: произведения первых веков христианского богословия (Толковое Евангелие, Апостол, Апокалипсис, Златоуст), толкования этих произведений и самостоятельные эсхатологические сочинения, характерные для украинской полемики конца XVI — первой половины XVII в., — «Книга о вере», «Кириллова книга», и, наконец, эсхатология раннего старообрядчества — «пятая» Соловецкая челобитная. Осмысливая череду необычных и странных событий петровского времени, в Таре вспомнили и традиционное церковное учение о конце света, признаках его приближения, о царстве антихриста, и украинские трактовки теории о «трех отступлениях», и старообрядческое толкование никоновской реформы как последнего из этих отступлений — прихода антихриста. Эта украинская теория и ее русские обработки в XVII в. до сих пор таят для исследователя много неожиданного и непонятного. Она была создана (с использованием литературного наследия Максима Грека и Андрея Курбского) украинскими и белорусскими демократическими писателями конца XVI — начала XVII в. в борьбе против активного наступления католицизма на украинскую культуру. Возникновение католицизма и его распространение (в униатском варианте) на Украину считались двумя первыми «отступлениями» мира христианской «правды» к миру антихристовой «погибели». Грядущее «третье отступление» — повсеместная замена православия католичеством. После отчаянной борьбы Московии с католической Польшей в Смутное время эти украинские сочинения стали очень популярны и на Руси. Недавно новосибирской студентке Т. А. Опариной удалось на большом массиве рукописей доказать, что уже в 1620-е гг. был составлен неизвестный ранее науке сборник русских переводов этих украинско-белорусских сочинений «Просветитель литовский», изученный многими русскими писателями того времени. Этот сборник и другие сочинения того же происхождения были изданы в Москве в 1644 и

¹ Эсхатология — учение о конце света, царстве антихриста и втором пришествии Христа.

1648 гг. и получили названия «Кириллова книга» и «Книга о вере». Так пока и не выяснено, кто именно и когда сделал из теории «трех отступлений» четкое хронологическое предсказание, легко вычисляемое по этим двум изданиям: «первое отступление» — 1000 г., второе — 1600, третье — 1666 г. (по Апокалипсису 666 — «число зверя», Сатаны)¹. В 1666 г. в Москве состоялся церковный собор, окончательно утвердивший никоновскую церковную реформу и осудивший старообрядчество. «Кириллова книга» и «Книга о вере» на века стали самыми любимыми изданиями поколений крестьянских книжников.

В тарских книжных реестрах у разных владельцев, в том числе у руководителей бунта, зафиксировано 6 экземпляров этих двух изданий (включая сделанные от руки копии) и много отдельных выписок из них.

Тот самый казак Иван Падуша, который сидел в своем дворе в осаде с июня до октября 1722 г. сказал при допросе 27 октября, на виске: «К присяге не пошел для того, что толковали книги Василей Исецкой, Петр Бейгачев — Кирила Иеросалимского, Правую веру, Апокалипсис и Евангелие. А толковали они в Кириловой книге: в последнее время будет Антихрист, которой не от царя, ни от царского колена, восхитит царскую и святительскую власть. И прожили де от сотворения мира 7230 год, то де ныне и последнее время и тот де он, безымянной, может быть и Антихрист, за ково без имени присягать велят, тот будет Антихрист. И про его де императорское величество говорили, что он неблагочестие держит, бороды бреет, он де сам Антихрист».

Материалы следствия наглядно показали наличие у тарских «противников» нескольких взаимосвязанных комплексов «злолательных» для царя и церкви идей, и каждый такой комплекс опирался на толкование упомянутых в книжных реестрах текстов.

Это прежде всего идеи о конце света, вплотную приблизившемся из-за измены русских царей общенародной «правде». В

¹ Напомним, что, хотя по официальной церковной догме дата конца света в принципе непредсказуема, всегда находилось немало желающих узнать непознаваемое. В XV веке широко распространилось убеждение, что мир просуществует лишь семь тысяч лет и в 1492 (7000-м от «сотворения мира») ожидали конца света, даже пасхалии на следующий год не составляли. Когда прошел 1666 г., староверы объявили его «началом конца» света, связывая «конец света» с «последним антихристом». Но потом Иван Смирнов объявил, что миру «пущено» стоять до конца первой трети восьмого тысячелетия, однако в этом году произошло лишь восстание декабристов. Во время одной из экспедиций я наблюдал, как в далеком горном селении старики готовились к концу света, почему-то ожидаемому 17 июля 1968 г. Последняя известная мне дата — «середина осьмой тысячи».

Таре накануне восстания, как бесспорно установило следствие, господствовало убеждение, что этому несправедливому миру осталось стоять три с половиной года. Это убеждение основывалось на ветхозаветных текстах пророчества Даниила, протолкованных в книге Кирилла Иерусалимского как указание на то, что антихрист именно столько будет царствовать на земле — 1290 или 1335 дней. Острый политический характер традиционным сюжетам христианской эсхатологии придавала уверенность тарских бунтовщиков в том, что отсчет этого короткого срока уже начался, — начало этого отсчета скорее всего связывали с финансовыми реформами Петра I, переписью населения для введения подушного оклада. А такая перепись еще в библейской истории царя Соломона объявлялась делом безбожным — точное число людей может знать только всевышний (заметим в скобках, что на деле материалы ревизского учета можно назвать безбожными не с позиций этой теории, а разве что из-за их отчаянного вранья).

Эти взгляды, в свою очередь, были связаны с тремя различными теориями старообрядцев о природе воцарившегося антихриста: «духовного антихриста» (согласно которой «воцарение антихриста» — это победа на земле сил зла, происшедшая в 1666 г.), «чувственного антихриста» (по которой антихрист воплотился на земле в реальном человеке — правящем государе) и «расчлененного» (антихрист — это последовательный ряд русских царей, начиная с Алексея Михайловича). В накаленной обстановке 1722 г. противоречия между всеми этими теориями сглаживались, а политические выводы были общими.

Важнейшим из таких выводов являлся догмат немоления за государя, требовавший (в силу его противоречия известным евангельским текстам) серьезного обоснования, сделанного уже в разгар Соловецкого восстания. Программные документы Соловецкого восстания тарские следователи разыскивали с особым упорством и не без основания считали их политически весьма опасными. Доносчик Аника Переплетчиков сообщал, что у одного из главных руководителей движения казака Василия Исецкого есть «книга полудестевая с учебную Псалтырь, переплетена и в кожу оболочена, в которой писана Соловецкая челобитная и другая многия возмутительные противности святой церкви и его императорскому величеству».

Содержавшиеся в Соловецкой челобитной острые обличения церковной реформы и прочих нововведений как несомненных признаков приближения «последних времен» развивались и пополнялись новыми наблюдениями. Общехристианское положение о том, что одним из признаков будет повсеместная порча, оскудение веры, вспоминается уже не только применительно к «никоновским новинам», но и к многим действиям Петра I.

Показания как рядовых участников Тарского бунта, так и его руководителей не оставляют сомнения в том, что широко распространенные в это время народные оценки петровских новшеств были одним из основных мотивов во всей идеологической системе движения. В числе этих неслыханных новшеств были (наряду с подушной податью) и введение «неправославно-го» иноземного платья, и принудительное бритье, воспринимавшееся как окатоличивание, и нарушение постных дней при дворе и в армии, богохульные забавы Петра, заточение им в монастырь своей первой жены Евдокии и противный правилам православия брак с Екатериной I, крестной дочерью сына Петра.

В ряду этих новшеств рукописи, за которыми охотились тарские следователи, особое место отводили церковной реформе Петра I. Резко сокращая средневековую автономию церкви как особого организма в государстве, царь в 1721 г. окончательно ликвидировал патриаршество, поставил во главе церкви государственный бюрократический орган — Духовную коллегию (синод), в то же время репутное руководство синода соревновалось в наделении государя божественными титулами и почестями.

Еще со времен Аввакума неканоническое усиление позиций царской власти в сфере церковного управления вызывало резкий протест старообрядцев, расценивавших этот процесс как святотатственную узурпацию прав самого Христа. «В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить?» — восклицал Аввакум в «Книге толкований» сразу после страстного обличения Алексея Михайловича за введение новых слов в формулу обязательного моления за царя, приравнивавших, по мнению Аввакума, царя к богу.

Ликвидация Петром I традиционных форм церковного управления, создание синода как центрального органа церковного управления и одновременно части государственного механизма сопровождались торжественным объявлением царя «Крайним Судиею» синода и церкви (да еще в формулировке Феофана Прокоповича, нарочито сближенной с формулами Исповедания веры: «Исповедую же с клятвою, Крайняго Судию Духовной сей Коллегии быти самаго всероссийскаго Монарха, Государя нашего всемилостивейшаго»). Поскольку главой церкви земной и небесной, по православной догме, является Христос, это уже была очевидная для всех узурпация царем важнейших prerogative самого Христа, то есть деяние, подобающее одному антихристу. Именно так был расценен этот акт многими противниками петровского самодержавия в разных уголках России. В народных кругах, прислушивавшихся к старообрядческой агитации, такое толкование этих событий 1721 г. стало аксиоматич-

ным. Редкое старообрядческое сочинение XVIII—XIX вв. о Петре I-антихристе обходится без этой мысли.

Тарское следственное дело дает историку одну из самых ранних фиксаций старообрядческой реакции на церковную реформу 1721 г. Среди примет «последних времен», указанных еще в святоотеческой литературе, свое место заняло и «восхищение святительской власти» царем-антихристом. В последнем очерке этой книги мы расскажем о том, что и в середине XIX в. новые идеологические функции царской власти воспринимались уральскими казаками как бесспорное доказательство ее антихристовой сущности.

Любая из разновидностей теории о Петре I как воплощении антихриста сочеталась в тарских «тетрадках» и в устной проповеди с красочными деталями легенды о Петре I — неистинном, подменном царе, замененном на антихриста либо в младенчестве, либо во время заграничного путешествия. Уже в упомянутых нами выше разговорах крестьян деревни Межевая Утка (подслушанных доносчиком) не раз повторялось, что Петр I на деле — «швед подменной». В Таре те же разговоры звучали постоянно, Сергей, например, настойчиво твердил (вслед за вождями стрелецкого восстания 1698 г. в Москве), что подлинного царя Петра давно уже нет в живых.

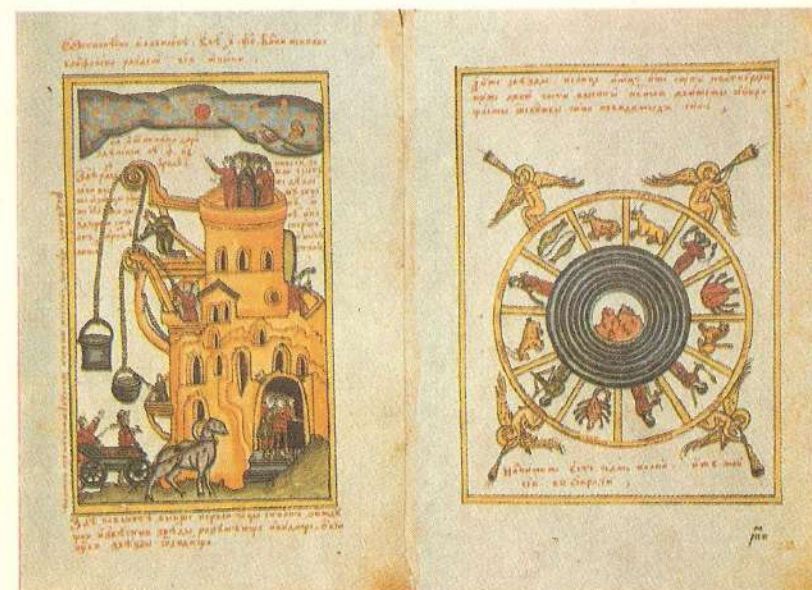
Важные показания об этом дал, например, 28 октября 1722 г. во время вторичного допроса на виске казачий пятидесятник Иван Белобородов-Москалев: «Книги читали Исецкой, Байгачов и Василий Руднев и толковали, что де к присяге итить грех... А говорил он, Сергей, как он, Москалев, был у него, Сергия, на исповеди: ныне де последнее время и у нас де его императорского величества в животе нет, для того и имяни в указе не написано, и называл его императорское величество, что ныне де царствует Антихрист, а не прямой царь... да он же, Сергей, говорил, что к нему в пустыню из многих городов жители съехались и живут у него и о Антихристе то все пишут».

Действительно, через десять дней после этих показаний карательная экспедиция вице-губернатора А. К. Петрово-Соловово, арестовав 170 обитателей скита Сергия, захватила там многие десятки тетрадей и книг с различными «Толкованиями об Антихристе» царского рода, в большинстве своем переписанными рукой Сергия. Мы говорили уже, что эти ценнейшие источники по истории народного общественного сознания были сожжены по приказу царя и синода. Но какое-то представление об их характере дают другие крестьянские рукописи XVIII—XIX вв. на ту же тему, рассеянные сейчас по разным книгохранилищам страны. Целенаправленные поиски одной из моих учениц Н. С. Гурьяновой привели к выявлению 101 подобного сочинения размером от нескольких листов до

В Евангелии Измарагды заставки удивительно тонкой работы (с. 23)

Миниатюры рукописи о путешествии в Индию; строительство Вавилонской башни; небесные сферы и зодиак (с. 47)

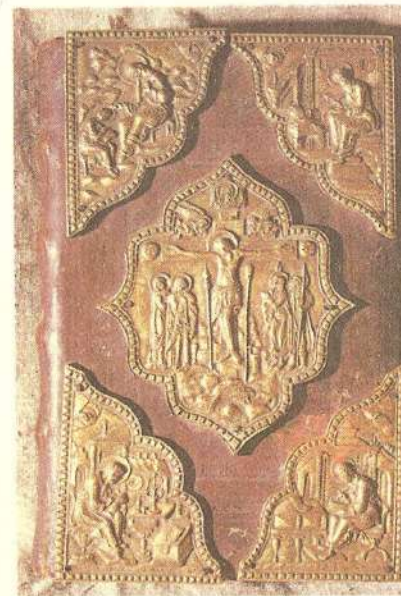
«Я нашел в рукописи XIX в. среди миниатюр старообрядческих мучеников страшное в своей реалистичности изображение четвертования полковника Немчинова» (с. 126)

Старообрядческая миниатюра XVIII в. «Царь-антихрист посылает войска громить скиты» (с. 152)

Оклад XVII в. Бронза. Чеканка

Украшения на л. 4 рукописи «Слова Иоанна Златоуста» из Тихомировского собрания (№ 4) (с. 107)

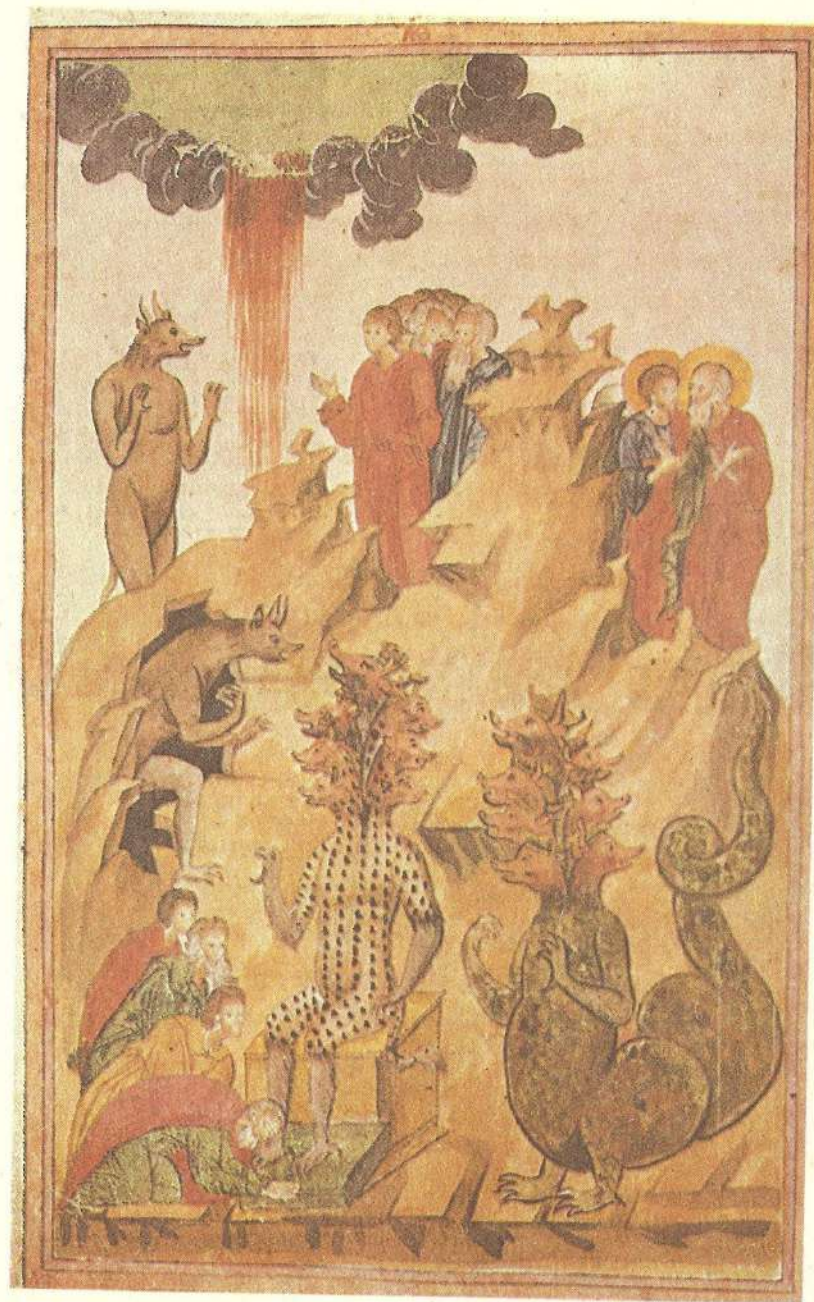

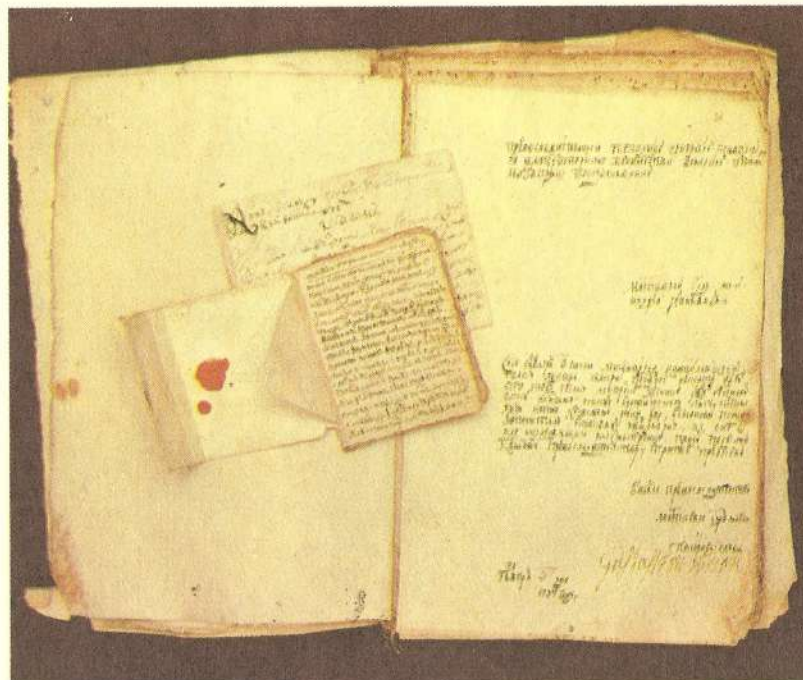
С. Денисов. «Виноград
Российский». Помор-
ский орнамент (с. 150)

Праздники крюковые.
Рукопись XVIII в. По-
морский орнамент

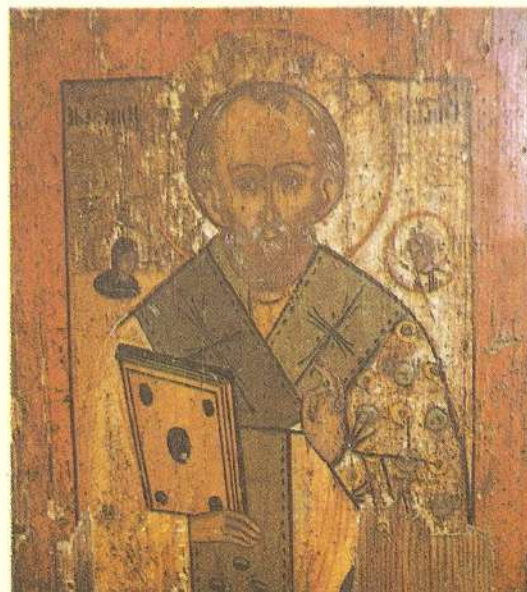
Лицевой Апокалипсис,
переписанный и иллю-
стрированный ярос-
тным бунтарем, бег-
лым солдатом Евфи-
мием, основателем
согласия бегунов
(с. 150)

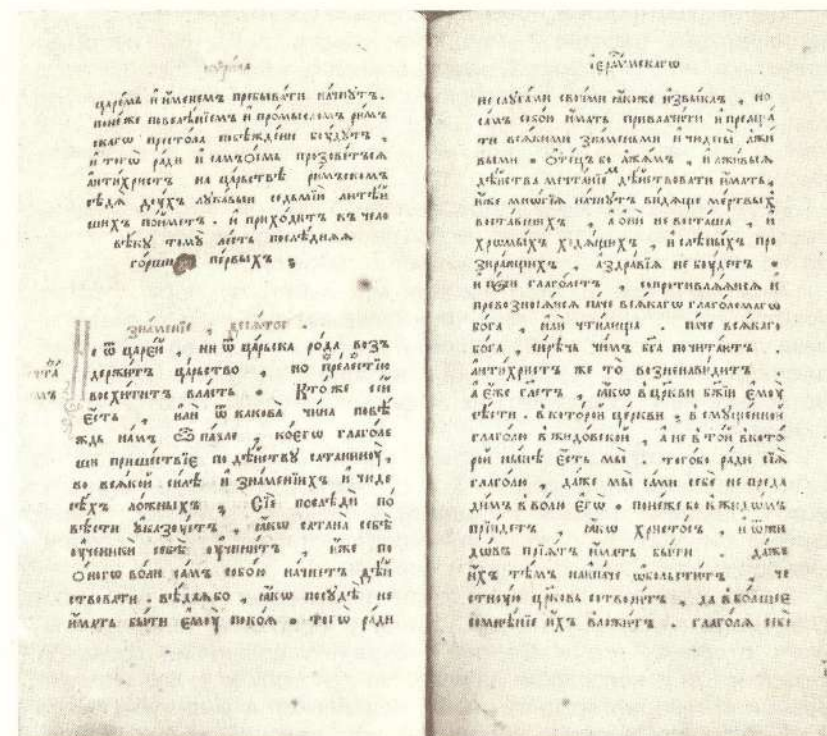
больших томов; написанное ею монографическое исследование произведений крестьянской эсхатологии, связанных с теориями о Петре I-антихристе и с догматом немоления за царя, вскоре выходит из печати. Тарские реестры показывают, что эта сотня сочинений — лишь сохранившаяся часть большого массива существовавшей ранее крестьянской литературы со столь острыми политическими сюжетами.

«В конверте было
искомое — подлинная
«волхитная книжка»
(с. 169)

«Никола Мирликий-
ский был на иконе
одет не в канониче-
ские кресчатые ризы,
а в простую рубаху
фабричного ситчика в
зеленый горошек»
(с. 156)

«Кириллова книга». Москва, Печатный двор, 1644 г. Знамение 10-е

Пытки вырвали у многих арестованных по тарскому делу важные показания о роли захваченных следователями книг в подготовке основных идей и лозунгов восстания. Наиболее детальные показания об использовании библейских, древних византийских текстов и сочинений украинско-белорусских полемистов дал один из главных «толковщиков» казак Василий Исецкий. Не раскрывая еще самых острых выводов о личности

государя императора, он на первых же пытках широко цитировал древние книги, объясняя причины своего отказа:

«И он, Исецкой, читал книги—Кирила Иерусалимского о последнем времени десятое знамение и толковал им он, Исецкой, что не надлежит итить к присяге для того, что в той книге написано тако:

«Знамение десятое. Не от царей, ни от царского рода воздержат царство, но прелестию восхитит власть.<...>

Да в первом на десят знамении написано. Будет же антихристова царства токмо полчетверта лета. Не пророчествую же, но от пророка Даниила глаголю, тако пишет: Дастся в руку его два времени и времени и пол времени. Время есть год один—возрастет пришествие его, а два времени другия—лета злобы его, и тако суть три лета, а пол времени есть шесть месяц.<...>

И те слова читаючи, толковал он, Исецкой, что последнее время пришло—за безмянного велят крест целовать, ныне де не объявлено, а после де явитца антихрист».

Многоточиями в этой цитате мы заменили пару страниц текстов старопечатных книг, приведенных казаком с правильным указанием названий изданий и даже их разделов. Удивляет высокая точность цитирования висящим на дыбе Василием ветхозаветных, новозаветных и святоотеческих текстов своих любимых книг.

Но если задуматься, не менее удивительно и другое: перед нами поразительный для XVIII в. по четкости пример того, что можно назвать, говоря штампами нынешнего времени, живой связью литературы с жизнью,—когда книжные тексты воспринимаются как прямые лозунги борьбы.

Хотя Василий Исецкий одним из первых попал в руки следователей, они не сразу узнали о наиболее «злопаятельных» сторонах его и Сергия учения—о признании государя антихристом и немолении за него. Но как только руководившие розыском губернатор князь А. М. Черкасский и вице-губернатор А. К. Петрово-Соловово вышли на эту важную тематику, они тотчас сделали ее одним из главных направлений следствия. Полученные при этом от многих арестованных показания повлияли на самые суровые оценки в Тобольске и Петербурге как происшедшего в Таре, так и общей политической злобредности старообрядчества. Изменялось отношение к расколу и самого императора, внимательно следящего за тарским розыском.

Тарское следствие и книжные реестры с поучительной для властей наглядностью вскрыли опасность еще одной группы христианских идей, трансформированных народным сознанием. Речь идет об идеях пустынножительства, спасения души вдали от «мирских плищей», в величественном храме природы. Эта

общехристианская система взглядов, как известно, в официальном церковном варианте привела, в конце концов, к созданию густой сети монастырей-феодалов. Однако крестьянской колонизации всегда сопутствовал народный вариант идей пустынножительства, дававший идеальное, религиозное оправдание крестьянскому побегу от феодальной эксплуатации, делавший принципиальный упор на забытом раннехристианском тезисе прокормления пустытника трудом рук своих. Разительное несоответствие стяжательской практики монастырей-вотчинников XVII—XVIII вв. этому христианскому идеалу пустынножительства с удивительным единодушием отмечали и старообрядческие пророки, и «император-антихрист». Понятно, что цели этой критики были в обоих случаях противоположными. Государь клеймил стяжания монахов, кои «трудами других туне питаться восхотели», ибо он стремился рационально регламентировать древний институт и приспособить его хоть к каким-либо практическим нуждам молодой империи. Раскольничьи «забабоны» и «возмутители» (терминология петровского указа 1724 г.) обличали «краснощеких» никонианских монахов как худшую часть антихристова мира и призывали бежать из этого мира в тайные лесные «вертепы» и скиты, где настоящие пустытники, кормящиеся трудом рук своих, спасаются от царя-антихриста, его военных и церковных слуг, от ревизских сказок и рекрутчины.

Особая роль скитских пустытников в тарском отказе от присяги подчеркивается уже в том документе, который был первым полученным тобольскими властями сообщением о тарских событиях,—краткой отписке тарского судьи Лариона Верещагина в тобольский надворный суд, тайно отправленной из Тары 29 мая 1722 г. и открывающей тарское следственное дело. «У тарских жителей в граде и в уезде дума худая: мае месяце 27 день градские и уездные люди к присяге не пошли, а из них небольшие люди к присяге пошли, а возмутил ими тарского ж города полковник Иван Гаврилов (Немчинов) с небольшими людьми, да к нему ж в думу и в сейму недобрую приехали ис пустыни».

Когда, получив 5 июня эту отписку, тобольский губернатор и вице-губернатор начали срочно допрашивать оказавшихся почему-либо в Тобольске тарских жителей, когда в тарское следственное дело легли самые первые «ропросные», а вскоре и «пытошные» речи, истинная роль скитов и пустытников была еще скрыта от следователей. Но очень скоро она вышла на первый план, и началось целенаправленное прочесывание военными командами сибирских лесов и гор в поисках тайных убежищ беглецов. Мы приводили уже список разгромленных тогда скитов, содержащийся в книжных реестрах, как и перечень вызванных этой широкой облавой самосожжений.

Наиболее значительным из этих самосожжений была Елунская гарь, описанию которой уделяет главное внимание найденная А. И. Мальцевым в Ярославле «Повесть о сибирских страдальцах» С. Денисова.

* * *

Эта пространная «Повесть» сообщает историку немало нового и об обстоятельствах захвата скита Сергия, о тарском розыске и особенно о массовых протестах 1722—1725 гг. в сибирских деревнях против жестокостей команд А. К. Петрово-Соловово. Но не менее интересны, как мы увидим, и умолчания Семена Денисова.

В центре внимания «Повести» крестьянская семья — Семеновых-Украинцевых, и в первую очередь глава Елунского скита Иван (Терентий). Семья эта была мне известна уже давно: старший брат Ивана Гаврила, о котором также рассказывается в «Повести», был одним из видных эмигрантов Выговской пустыни, более четверти века возглавлявшим урало-сибирские центры поморщины. В 1725 г. его безуспешно разыскивали по всей Сибири в связи с тарским делом (а он скрывался тогда в самой сибирской столице, в Тобольске). В 1735 г. его ареста в связи с каким-то политическим делом потребовали Тайная канцелярия и синод. Но его укрыв тогда Акинфий Демидов, пошедший ради этого даже на клятвопреступление, присягнув, что Гаврилы Семенова на его заводах нет и «что собственных одного Семенова дворов при заводе его, Демидова, не имеется». (Последнее заявление заводчик мог, однако, сделать с чистой совестью: Гаврила жил тогда в доме, принадлежавшем самому Акинфию.) Гаврила вскоре создал на Урале тайную старообрядческую школу-интернат для крестьянских детей. Он принял активное участие в открытии алтайских медных руд. В 1746 г. он ухитрился организовать публичный диспут о вере с католиком Беером — генералом, будущим начальником Колывано-Воскресенских заводов Алтая. На Красной площади в Москве, в Государственном Историческом музее хранится том в 207 листов сделанной Гаврилой записи этого уникального католическо-старообрядческого спора. Том фиксирует, конечно, полную победу Гаврилы, сославшегося на десятки авторитетных книжных свидетельств своей правоты.

Гавриле удалось умереть своей смертью в 1750 г. Через двести с небольшим лет после этого новосибирская исследовательница Е. И. Дергачева-Скоп обнаружила красивый надгробный плач по Гавриле, составленный в Выголексинской пустыни его сестрой: «Сердца болезнь сестры убодающею остен...»

Когда я писал эти строки, я узнал о новых исследованиях двух

моих учеников, свердловских археографов А. Т. Шашкова и В. И. Байдина, участников многих экспедиций за древними книгами. Они анализируют многочисленные сочинения XVIII—XIX вв. крестьян Урала и Сибири, посвященные их собственной истории. Среди авторов и героев этих сочинений много персонажей, упоминавшихся нами выше. В том числе — братья Украинцевы (Семеновы).

Ярославская «Повесть о сибирских страдальцах» подробно рассказывает, как переселилась из Кижей на Выг семья Украинцевых (по подсчетам Е. И. Дергачевой-Скоп — около 1695—1696 гг.), каким большим авторитетом пользовался в Выгореции Гаврила, как он переехал в Сибирь, «в пределы Азии». Отец братьев, умирая, поручил младшего брата заботам старшего. Вскоре Иван, будучи для рыбной ловли «у града Архангельского», узнал от проезжих купцов об успехах старшего брата в Сибири. Он отправился к нему, проделав путь в 2700 верст. Он нашел Гаврилу «в тюменских пределах в Кошутской пустыни», находившейся под управлением «мужа добродетельна, Иоанна именем, сединою украшенна, браду до земли имуща». В декабре 1715 г. тобольский архиепископ Филофей Лещинский, узнав, что в тюменских лесах скрываются видные расколуучители, пошлет туда военную команду, и 149 пустынников во главе с Иваном Брадатый погибнут в огне. Но братья Украинцевы к этому времени давно уже будут заняты организацией тайных убежищ беглецов в другом месте, на Ишиме. Сравнительно недалеко от скита попавца Сергия возникнет беспоповский скит Ивана Семенова. Уже во время тарского розыска насилия карателей спровоцируют несколько самосожжений в этом регионе. Повесть о сибирских страдальцах подробно расскажет в этой связи о гибели в огне и этого ишимского скита во главе с его новым руководителем Филиппом. Иван Украинцев к этому времени по поручению Гаврилы и по просьбе томских жителей создал несколько новых скитов еще дальше, «в томских пределах» — хотя по современным понятиям это уже Алтай. «Повесть» красочно описывает, как по пути в эти места из Тобольска (где он виделся с Гаврилой и получил от него благословение) Иван был захвачен в плен барабинскими татарами — «злыми барабитами», как их называет «Повесть». Но вопреки этой характеристике «барабиты» оказались восприимчивыми к красноречию Ивана: «сладкими словами» он заставил их отпустить его с «добрыми напутствиями».

Через два года после организации Иваном первых крупных скитов в Кузнецком уезде, по реке Чумыш, начались тарские события.

Рассказ о восстании в Таре и последующих самосожжениях

составляет центральное ядро «Повести», выделенное киноварным заголовком: «История о страдании». Семен Денисов не был новичком в подобных литературных повествованиях: его перу принадлежали, в частности, такие знаменитые у старообрядцев книги о мучениках за старую веру, как «Виноград Российский», «История об отцах и страдальцах соловецких».

Восхваляя подвиги старца Сергия, тарских жителей, елунских пустынников в разгар долгого и жестокого тарского следствия, С. Денисов, несомненно, сам совершал смелый политический поступок. И пусть его сочинение вполне традиционно для всего большого цикла ранних выговских произведений, повествующих о старообрядческих мучениках, оно, несомненно, стало в обстановке тех лет самой острой и опасной частью этого цикла. Одно дело прославлять мучеников полувекковой давности, хотя бы и соловецких, другое дело — только что отмучившихся¹, мученичество которых квалифицируется всеми властями от императора и сената до тобольского вице-губернатора А. К. Петрово-Соловова как зловернейший бунт. По мере расширения и ужесточения страшного тарского розыска эта позиция следователей и их начальников приобретала все большую определенность и размах — и соответственно все отчетливее проявлялась политическая острота мартиролога тарских и елунских мучеников.

Но именно такое неизбежное политическое прочтение «Повести» было в чем-то не по душе и самому автору её, отнюдь не собиравшемуся, в отличие от своих героев, входить в острый конфликт с царской властью. В этом, на наш взгляд, главная причина примечательно малой распространенности этого сочинения, не тиражировавшегося в выголексинских скрипториях, в отличие от всех других произведений выговского цикла. Нужен был такой отъявленный бунтарь, как Евфимий, ценитель не умеренных, а радикальных, филипповских традиций Выга, чтобы обнаружить и переписать «Повесть о сибирских страдальцах».

В отличие от тарских бунтовщиков умеренное руководство Выга, все более примиряясь с миром антихриста, искало

¹ Напомним также об интересном документе огосударствливания душ — категорическом запрете на любое мучение, не апробированное правительством. Составленный Феофаном Прокоповичем синодальный указ от 16 июля 1722 г. извещал всех подданных, «что не всякое страдание, но токмо страдание законно бываемое, то есть за известную истину, за догматы вечныя правды... полезно и богоугодно есть». Гонений же за правду «никогда в Российском, яко православном, государстве опасаться не подобает, понеже то и быти не может». Поэтому любое не утвержденное властями страдание в пределах русских государственных границ не угодно богу. Кроме того, страдать полагается кротко, «не укоряя нимало мучителя... без лаяния властей и безчестия». Указ этот включен в Полное собрание законов Российской империи.

возможности сколько-нибудь спокойного существования в нем и не стремилось обострять свои отношения с императором, снисходительностью которого оно умело пользовалось. Как раз в 1722 г. Денисовы сделают серьезные политические уступки, идущие вразрез с радикальными эсхатологическими традициями согласия в вопросах об оценке царя-никонианина. В то же время на Выге достаточно сильны и противоположные силы.

В «Повести о сибирских страдальцах» эти противоречия нашли явственное отражение. Автор «Повести» взялся за перо не только для того, чтобы восславить мучеников за веру, но и чтобы доказать, что равным счетом никаких политических, антиправительственных моментов в их религиозной борьбе не было. Необходимое для подобной интерпретации событий изрядное насилие над исторической реальностью не столь уж уникально в выговском творчестве — так же сглаживал С. Денисов и самые острые социально-политические моменты Соловецкого восстания.

О главной причине Тарского бунта С. Денисов говорит крайне сдержанно. Сорбцив в торжественных выражениях (но без каких-либо оценок!), что «1722-го февраля в 5 день изыде повеление от скипетродержавствующаго всероссийскаго императора Петра Перваго во вся империи его страны, грады, провинции и села» о присяге, «Повесть» выдерживает вполне почтительный тон по отношению и к императору, и к его указу. Не осталось и следа от яростных эсхатологических филиппик по адресу царя-антихриста и антихристовой присяги, которые звучали в те решающие дни в произведениях Сергия, беспоповцев Ивана Смирнова и Ивана Украинцева. В нейтральных выражениях скороговоркой Семен Денисов сообщает далее, что «вси сибирстии народы его императорскаго величества повеление (о присяге. — Н. П.) всеусердно совершаху; во граде же именуемом Тара нектории от живущих к присяге не приидоша, и, взыскуеми, уклоняхуся. Чесо ради на оныя от присяги избегатели возвестиша писанием в царствующий Петрополь и сенаторам». Сенат же (не император!) приказал начать следствие вице-губернатору Соловову. Последний — главный отрицательный персонаж «Повести». Заметив, что среди отказавшихся от присяги «некоторые» (!) крестятся двуперстно и держат «старопечатные книги» (книг Денисов все же не обошел), Соловой учинил жестокое гонение на всех сторонников старой веры.

Весь тарский розыск предстает в «Повести о сибирских страдальцах» огромным прискорбным недоразумением: назначенный сенатом для проведения политического следствия, вице-губернатор почему-то занялся вероучением и стал насильно приводить всех западносибирских старообрядцев к троеперстии, что сделало неизбежным мученичество за веру.

При описании этого мученичества, несмотря на трафаретные этикетные приемы, несмотря на настойчивое подчеркивание явно ошибочного положения о том, что никаких «царских вин» за мучениками не было, «Повесть» приводит немало ценных для историка сведений. Она подробно рассказывает о расправе в самой Таре. При этом, правда, полковник Немчинов приобретает черты мученика, помышляющего только о верности «древле-му благочестию». Зато мы узнаем, что, кроме взрыва дома Немчинова в Таре, было немало других самоуничтожений в первые недели следствия — «ножи себе режуще... умираху». Повесть сообщает и о казнях в Таре еще до разгрома скита Сергия 9 ноября 1722 г., о чем молчит следственное дело.

Этот разгром и мученичество Сергия описаны в «Повести» подробно и с торжественным благоговением, невзирая на то, что он принадлежал к враждебному поморянам направлению старообрядчества. Это не единственный пример, когда братья Денисовы стали над распрями поповщины и беспоповщины.

Но основным героем «Повести» является все же выговский воспитанник Иван Украинцев. Поэтому главное внимание уделяется событиям в «томских пределах», связанных с тарским протестом. Хотя С. Денисов снова затушевывает политическую сторону событий (забывает упомянуть, например, о категорическом отказе от присяги населения алтайских скитов), «Повесть» дает историку много важных фактов. Читая этот источник, видишь, какие огромные толпы беглецов скрывались тогда в алтайских лесах от тарского розыска. «Повесть» сообщает, что широкие аресты и истязания проводились карательными экспедициями вице-губернатора и в Томске, куда была отправлена военная команда, во главе которой стоял «мазор Альбер».

Проведав про тайную обитель Ивана Семенова-Украинцева на р. Чумыш, он послал на разгром ее военный отряд. Пленные были доставлены в Тару и там казнены.

Согласно «Повести», Иван Семенов, узнав о разгроме своей обители, убежал на коне к жителю соседней деревни Елуниной, куда к нему стали стекаться «благочестия рачители» в огромном числе; началась подготовка домов к самосожжению. Когда через 40 дней военная команда во главе с самим майором Альбером нашла это убежище, здесь и состоялось 24 марта 1723 г. самосожжение. «Повесть» сообщает, что в огне погибло 1100 человек, но это, вероятно, риторическое преувеличение — два других источника называют цифру 600 человек.

Из числа новых сведений нашего источника об этой гари одно из наиболее важных — о вооруженном столкновении между собравшимися и военной командой. Хотя автор «Повести» стремится по возможности затушевать этот острейший момент всего повествования, он не может вообще умолчать о нем.

Подобная источниковедческая ситуация, когда, несомненно, тенденциозный источник содержит известия, противоречащие основной тенденции, заставляет историка относиться к таким сведениям с особым доверием.

Согласно «Повести», когда «приступи мучитель с воины к дому, в нем же воины христовы затворишася, устремляющиеся со оружием на взятие», их встретили «на забралах и кровех предстоящия люди», как вскоре оказалось — также вооруженные. Далее «Повесть» рассказывает об энергичном диспуте, немедленно развернувшемся между Иваном Семеновым и майором Альбером. Майор говорил о «царственных винах» Семенова, последний же якобы отрицал их, подчеркивая свою законопослушность и готовность страдать за одну веру против «нововодного никониянского смущения». После неудачной попытки Ивана подкупить «мучителей» ста рублями майор приказал солдатам идти на приступ. «Незлюбивии же агньцы, кроткого пастыря ученицы, видевше мучительскую лютость и зверское того нападение... с неколиких пицалей пустиша пули, яже едина улучи самого мазора».

Рассказ «Повести» об алтайских событиях завершается сообщением о посещении места гари братом Ивана Никифором Семеновым и его надгробном «вопле» («надгробно же во умилении души привольтвывая»), о сооружении им на этом месте надгробного креста и ограды. Текст «вопля» Никифора краткий, ибо вслед за ним идет заключительная часть «Повести», обширное «надъсловие», обильно насыщенное выговской погребальной риторикой. Известие о посещении места гари Никифором вполне достоверно. По авторитетному свидетельству А. Демидова, «олонецкие старики» (Гаврила и Никифор Семеновы) были на Алтае во время тарского розыска, успешно открывая месторождения медных руд.

Говоря о результатах тарского протеста, унесшего столько жизней, можно констатировать ситуацию, не такую уж редкую в истории: подавив движение с невероятной жестокостью, власти пошли на уступки в той важной области, которая явилась подспудной причиной недовольства. Запись старообрядцев Урала и Сибири для уплаты двойного подушного оклада была надолго приостановлена. В 1726 г. по всей Сибири значился лишь один(!) «записной» старообрядец (т. е. записанный для этой уплаты), в 1732 г. — пять (все — по городу Таре). Лишь в 1735 г. Василий Никитич Татищев начнет ту борьбу с этим беспорядком, о которой мы рассказали в третьей главе нашей книги.